

ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В ШВЕЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

И. В. Гришин

Гришин Игорь Владимирович, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, 23, Москва, 117997, Россия.
Эл. почта: i.grishin@inbox.ru
ORCID 0000-0001-5839-1858

Аннотация. Не имея в прошлом колоний и будучи до недавнего времени моноэтнической, отстоя далеко от стран исхода инокультурных мигрантов, Швеция практически столкнулась с ними лишь в самые последние десятилетия. Массовое восприятие дальнего (третьего) мира складывалось на умозрительной основе, без непосредственной причастности шведов к нему. И для этой основы характерен высокий потенциал солидарности с жителями стран Востока/Юга, сформировавшийся прежде всего благодаря былому доминированию в шведском государстве социал-демократии с её идеологией социальной солидарности поверх границ. Однако одно дело — щедрая помощь Швеции развитию государств бывшего третьего мира, другое — принятие массы мигрантов из него. Проблема их интеграции, при всей несомненной важности её экономического аспекта, связана, скорее, с их культурно-цивилизационной инаковостью, с их отношением к правопорядку светского, демократического общества, к его ценностям и поведенческим нормам. Поэтому без учета всего диапазона факторов, определяющих иммиграционную обстановку, велик риск малокритического видения реального положения вещей. Данная работа нацелена на анализ миграционно-интеграционных процессов в Швеции последних лет, когда под влиянием их разрастания, осложнения и резкой актуализации этносоциальные проблемы потеснили в повестке дня традиционные вопросы благосостояния (занятость, образование, здравоохранение и т.п.), а расстановка партийно-политических сил в стране и парламенте претерпела критические изменения. Представляется, что широкий контекст избранной темы и ее рассмотрение в свете новейших явлений/событий могут служить залогом научной оригинальности/новизны настоящей статьи.

Ключевые слова: Швеция, иммиграция, интеграция, официальный дискурс, солидарность поверх границ, инокультура, безопасность, преступность, партийная система, шведодемократы.

Решение вопросов миграции и интеграции, а они тесно взаимосвязаны, имеет важнейшее значение. Если тут мы потерпим неудачу, нас ждут большие и долговременные проблемы.

Лидер Умеренной партии
Швеции Ульф Кристерссон

Серьезное усложнение этноситуации в Европе во время и после миграционного кризиса 2015–2016 гг. с его наплывом инокультурных пришельцев вновь обострило полемику вокруг проблемы, выраженной в часто приписываемом Редьярду Киплингу тезисе: Востоку и Западу никогда не сойтись. Глобализация, интернационализация национальных экономик, облегчение трансграничной коммуникативности, стирание межстрановых границ в том числе, создали и создают объективные предпосылки «смешения народов». Но этому процессу тоже объективно противостоит исторически сложившаяся глубокая разделенность человечества на центр, периферию и полупериферию, на различные цивилизационные макроареалы

и этнорасовые общности. Связи между каждым из них интенсифицировались, но прием, устройство и интеграция массы выходцев из бывшего третьего мира, особенно мусульман, в государствах Европы с христианской моралью, несмотря на их в целом благосклонное отношение к мигрантам из афро-азиатского (читай: исламского) мира, оказались сопряжены со множеством осложнений.

Деколонизация Востока/Юга сопровождалась в свое время и до сих пор (Южная Африка) сопровождается вытеснением оттуда «белого человека». А каковы условия и перспективы массового переселения уроженцев бывших колониальных и зависимых стран в нынешней, этнически и конфессионально быстро меняющейся с рубежа веков Европе? В данной статье этот вопрос рассматривается на примере одной из её самых благополучных и «участливых» к ним стран — Швеции. Главные аспекты анализа — миграционный морально-политический дискурс и вызванная пришествием инокультуры дестабилизация правопорядка и партийной системы¹.

1. Иммиграция и интеграция в шведском дискурсе

Притягательность Швеции для международных мигрантов во многом объясняется её широко известным имиджем гостеприимного реципиента. Шведы выбрали этот путь осознанно и глубоко мотивированно, полагая, что их моральный долг как избавленной от войн с начала XIX в. (1814 г.) и социально преуспевающей нации — облегчить участь нуждающихся в защите и помощи, насколько это возможно. Еще в 1930-е гг. они принимали жертв нацистского произвола, в конце войны и после нее — прибалтов, польских евреев, чилийских сторонников свергнутого Сальватора Альенде и др. (затем вынужденную миграцию сменила трудовая). Верные идеологии социальной солидарности поверх государственных границ, они усмотрели свою международную миссию в миротворческой деятельности, гуманитарной помощи и содействии решению проблемы беженцев. Лояльность к приезжим стала важной частью шведской идентичности.

Гордость шведов достижениями своей страны, писал американский журналист Дэниел Пайпс, транслируется в этическое превосходство, символизируемое их утверждением, что она является «моральной сверхдержавой» (Pipes, 2015). О Швеции как моральной сверхдержаве в международной политике говорил в феврале 2015 г. и политолог Омар Шейкмус, сирийский курд, шведский гражданин с 1974 г. (Визит Аббаса в Стокгольм, 2015). Ему в самый канун иммигрантского кризиса вторил шведский экономист Тино Санандажи, иранский курд. По его мнению, великодушная иммиграционная политика Швеции имеет большое значение для имиджа страны, которая гордится собой как «моральная» супердержава (Wente, 2015). И в этом же ряду — заявление министра интеграции шведского населения Эрика Улленхага в августе 2014 г. при обсуждении иммиграционной ситуации: «Мы будем оставаться гуманитарной сверхдержавой, развивать шведские традиции политики оказания помощи своему ближнему. И это тот тип лидерства, благодаря которому большинство шведского народа считает, что мы должны быть страной, которой можно гордиться» (Новую волну иммигрантов ..., 2014). Как отмечал позже, в 2017 г., финский профессор Пауль Лиллранк, «шведская элита старается превратить свою страну в мультикультурную моральную сверхдержаву» (Lillrank, 2017).

¹ Динамика общественного мнения об иммиграции, а также теория и практика интеркультурализма рассмотрены автором ранее (Гришин, 2017).

Посмотрим, как отражены темы миграции и интеграции в программных уставах ведущих шведских партий. Поскольку обнаружить соответствующие развернутые документы не удалось (остается впечатление, что к их разработке и не обращались), пришлось довольствоваться подбором тематических фрагментов, который *volens nolens* носит в той или иной мере случайный, произвольный характер, но не искажает суть дела. То же самое надо сказать и по поводу отображения позиции правительства.

В программе Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ) 2001 г. миграции как таковой не посвящено ни строчки, косвенно она затронута в небольшом подразделе «Этничность». В нем осуждаются дискриминация и предрассудки, говорится о трудностях обустройства приезжих. С точки зрения их интеграции, констатируется: «...Растет отчуждение среди тех взрослых, которые не выходят на рынок труда, и среди детей, которые не видят своего будущего в окружающем шведском обществе. Это отчуждение порождает самое большое и вопиющее неравенство в современном обществе. Отчуждение и ограниченность жизненных шансов, вынужденно испытываемые слишком многими иммигрантами, полностью несовместимы с социал-демократическими идеалами свободы и равенства» (Partiprogram ... 2001). Благие намерения авторов данных формулировок сомнению не подлежат, но умолчание обратной стороны массового наплыва лиц с инокультурным бэкграундом вряд ли отвечает требованию оптимального программного сопровождения миграционной и интеграционной политики.

В последней (2013 г.) программе партии наиболее близкая к проблеме иммиграции и интеграции формулировка: «Лучший способ противодействовать расизму — обеспечение полной занятости и совершенствование политики всеобщего благосостояния» (Ett program för förändring, 2013, s. 13). Формулировка универсальная — вместо «расизма» можно поставить любой социальный недуг.

В разделе «Наша политика», в рубрике «Интеграция и (этно)многообразие» («иммиграция» как таковая отсутствует) официальный сайт СДРПШ следующим образом представляет позицию партии. «Перемещение людей делает более широким применение рабочей силы, знаний и идей, расширяет связи и открывает новые возможности. Слишком много времени приходится тратить вновь прибывшим беженцам и иммигрантам на то, чтобы утвердиться на рынке труда. Для каждого из них должна быть в нашей стране возможность самообеспечения. Успешная политика занятости играет центральную роль в преодолении сегрегации» (Integration och mångfald, 2018). Как видим, последствия иммиграции рассматриваются только в позитивном ключе, определенные недостатки приема иностранцев усматриваются в несовершенстве системы их трудоустройства и недостаточности предоставляемых принимающим обществом возможностей достижения ими самообеспечения. Негативный, деконструктивный потенциал иммиграции, тем более инокультурной, и его очевидные проявления игнорируются. Конечно, приведенный пассаж стоит расценить как некий образец социал-демократического интернационализма, но едва ли можно — как реальный политический посыл миграционного регулирования и практики интеграции. Все негативные стороны и трудности иммиграции, уже относительно давно ставшие очевидными и почти общепризнанными, политкорректно, суперполиткорректно не упомянуты — их как бы и нет вообще.

Небольшой раздел программы Умеренной партии (модератов), названный «Работа, интеграция и миграция», акцентирует внимание на национальной традиции

открытости миру и приверженности «щедрой и гуманной беженской политике», на приоритетности трудоустройства новых шведов и достижения ими самообеспечения (Moderaternas partiprogram, 2013). То есть, как и социал-демократы, модераты абсолютизируют значение материальных факторов и обходят стороной важность усвоения «гостями» культурного кода страны-хозяина и неизбежность/необходимость противодействия негативным проявлениям мигрантской инокультурности.

Принципиально близки социал-демократическому и модератскому подходу к вопросам миграции взгляды других «старых»/системных партий.

Отражение сегодняшнего взгляда правительства на иммиграцию удалось найти в документах министерства юстиции. В одном из них говорится, что кабинет стремится обеспечить «долгосрочную устойчивую миграционную политику, гарантирующую право убежища и облегчающую в рамках регулируемой иммиграции трансграничную мобильность, способствовать ориентированной на рыночный спрос миграции рабочей силы, учитывать и сохранять эффекты миграции, поддерживающие развитие, а также углублять европейское и международное сотрудничество» (Faktablad ... 2018). Из небольшого процитированного фрагмента можно все же заключить, что в документе уделено должное внимание аспектам международного права (на убежище) и рынка труда, но оставлены за скобками вопросы аккультурации, обеспечения безопасности и др.

Благостное, некритичное и как бы канонизированное, ставшее конвенциональным партийное восприятие «инопришельцев» не могло не наложить отпечаток на линию поведения национальных СМИ. Новостные передачи и публичный дискурс об иммиграции и интеграции ограничен рядом табу. Журналисты и общественные деятели, выходящие при обсуждении этих проблем за границы того, что шведы называют «коридором мнений», рискуют получить ярлык ксенофоба или расиста (Плевако, Чернышева, 2012, с. 42). Эта специфика публичного дискурса часто позволяет политикам и властям отрицать наличие проблем, порождаемых политикой миграции и интеграции, уходя тем самым от их подлинного обсуждения и решения. Подобное мнение высказывается многими наблюдателями, особенно зарубежными, поскольку свобода слова по данному вопросу внутри Швеции ограничена описанными обстоятельствами. А критические выступления шведских журналистов и других представителей творческих профессий громче звучат вне страны.

До поры до времени спокойное отношение к мигрантам характеризовало и массовые настроения. Перелом намечился к концу нулевых годов и нашел свое выражение в стремительном росте популярности Партии шведодемократов (*Sverigedemokraterna*), или шведских демократов (ШД). Третья партия риксдага (по числу мандатов) оценивается политическим мейнстримом как антииммигрантская и антисистемная, подвергнута им бойкоту, но её парламентские позиции делают её важным политическим актором (см. ниже). Программные формулировки партии не оставляют сомнения в её однозначно отрицательном отношении к инокультурным иммигрантам, хотя и содержат некую позитивную (умиротворяющую) оговорку.

«Несмотря на то, что нет недостатка в примерах лиц... внесших в последнее время вклад в развитие шведского общества, — записано в партийной программе, — общий конечный эффект массовой иммиграции из *отдаленных* стран явно отрицателен как в экономическом, так и в социальном плане. Шведодемократы не возражают против иммиграции, но она должна осуществляться в таких масштабах и иметь такой характер, которые не представляют угрозы для нашей национальной иден-

тичности, благосостояния и безопасности» (Sverigedemokraternas partiprogram, 2011) (курсив мой. — И.Г.).

Представленные выше пафос трансграничной солидарности, суждения и директивные установки шведских политических институтов, почти всех партий, а также *modus operandi* большинства массмедиа, отражающие чаяния вчерашнего дня, оказались малоадекватны реалиям нашего столетия. Их одностороннее, не фиксирующее негативные моменты, игнорирующее противопоставления в сфере культуры видение иммиграции уже сказалось отрицательно на повседневной жизни шведов (см. ниже), и эта тенденция как доминирующая, вероятнее всего, сохранится. Появление и усиление антииммигрантской партии ШД стало закономерным ответом общества (точнее — его немалой части) на благородную, но не рациональную, великодушную, но не до конца продуманную и взвешенную стратегию социальной солидарности поверх границ и моральной/гуманитарной сверхдержавности. Однако её (стратегии) инерция, с определенными рестрикциями последних лет, все еще остается в силе.

2. Основные характеристики иммиграции

Исходно шведская иммиграционная политика виделась как элемент регулирования занятости, как инструмент её расширения и обеспечения экономического роста, но примерно с середины 1980-х гг. она переродилась в беженскую политику. В структуре иммиграции стали, особенно в последнее время, превалировать лица, ищущие убежища. Потенциал их трудоустройства, измеренный по такому важному фактору, как удельный вес лиц со средним образованием, прибывших из неевропейских стран, снизился с начала века на 22 п.п. — с 74 до 52% (Andel behöriga ...). Это не может не затруднять интеграцию приехавших.

В пиковый 2015 г. так называемого беженского кризиса Швеция приняла 163 тыс. искателей убежища — в два раза больше, чем в предыдущем году, и в три — против 2013 г. В пересчете на душу населения больше, чем Германия и любая другая страна в Старом свете². Главным образом это были выходцы из Сирии, Афганистана, Ирака и других мусульманских государств.

Последовавший к весне 2016 г. спад миграционной волны в Европу вкупе с ужесточением в ней пограничного контроля и условий приема лиц, ищущих убежища, существенно уменьшили число претендентов на переселение в Швецию. По сравнению с 2015 в 2016 г. новоприбывших мигрантов оказалось меньше в 5,6 раза, в 2017 г. — в 6,4 раза. Среди них выходцы из мусульманских стран по-прежнему составляли подавляющее большинство: по подсчетам автора, соответственно 83 и 81% (Statens budget i siffror, 2017). Словом, более чем на 4/5 иммигранты — инокультурны и принадлежат к исламской цивилизации, представители которой считаются в Швеции наименее адаптативными к интеграции в западное общество.

Вследствие явного преобладания в последние десятилетия в составе иммигрантов приверженцев ислама их доля стремительно росла. Рассмотрение динамики численности 12 крупнейших диаспор за 1990–2017 гг. (Immigration to Sweden) показывает:

- самой большой иммигрантской «фракцией» стали сирийцы (потеснив некогда не имевших «соперников» финнов);
- на третье место вышел Ирак, обойдя Норвегию, Германию, Польшу;

² Исключая Венгрию, но она была лишь транзитером.

- как никто, в 23 раза поднял свою долю Афганистан;
- в итоге удельный вес *только* шести ведущих неевропейских мусульманских диаспор (Сирия, Ирак, Иран, Сомали, Турция, Афганистан) во всем иммигрантском населении увеличился почти в три раза (с 10,5 до 29%), а с учетом Боснии и Герцеговины — более чем в три раза (до 32,1%).

Суммарно в сегодняшней Швеции (оценочно³) свыше полумиллиона исповедующих ислам, в 1970 г. была одна тысяча. И главное — как абсолютно, так и относительно их численность продолжает увеличиваться. Этот конфессионально-демографический, он же культурно-демографический и цивилизационно-демографический, набирающий силу сдвиг придает иммиграционно-интеграционной проблеме качественно новый характер.

Международная миграция, тем более вынужденная, — процесс стихийный и сопряжена с неизбежными перекосами/диспропорциями и даже аномалиями в половозрастной структуре просителей убежища. По данным на 2017 г. (Inkomna ansökningar om asyl), в их возрастной группе 18–44 лет мужчин больше, чем женщин, чуть ли не в два (1,87) раза. Эта «физиологическая» (можно, наверное, и без кавычек) характеристика новоприбывших несет в себе некую предопределенность сексуальной агрессивности их мужской половины. Сравнительно со стандартной демографической структурой Юга/Востока, среди новоприезжих мало детей и пожилых, что обещает в дальнейшем при разрешении претендентам остаться в стране их претензии на воссоединение семей. «Недобор» женщин также может и будет играть роль подобного фактора. Надо полагать, что все или почти все старшие беспризорники — мальчики. По крайней мере их не менее тысячи. Потенциально они самая подходящая для уличных бесчинств иммигрантская страта. И именно она, думается, заслуживает самого пристального внимания принимающей стороны, именно на нее должна быть направлена в первую очередь политика инклюзии, ибо в первую очередь иммигранты-подростки и особенно второе поколение «новых шведов» составляют социальную базу роста преступности в стране.

Важным, качественным индикатором структуры иммигрантского населения и его потенциала интеграции являются характеристики диаспоральных сообществ, ибо последние — неперенный актор интеграционной политики.

Без них просто невозможен институционализированный диалог принимающей и принимаемой сторон, его репрезентативная модель. И в этом диалоге, как и во всей интеграционной политике, принципиально значимо состояние, позиции и активность диаспорных ассоциаций. Наверное, эту проблему можно признать критически значимой. Без налаженного диалога продвижение к взаимопониманию и тем более взаимодействию нереально. Ограничимся краткой характеристикой ассоциаций и попыткой оценить степень их включенности в интеграционную работу.

Организации инокультурных мигрантов строятся как по этническому (национальному — по стране происхождения), так и по конфессиональному принципу. В последнем варианте крупнейшая среди них — Мусульманская ассоциация Швеции (MAШ — *Sveriges muslimska förbund*)⁴, охватывающая около 70 тыс. чел. и субсидируемая государством как религиозное объединение. Долгое время в руководстве МАШ отстаивалась установка

³ Шведская официальная статистика не дает соответствующих данных.

⁴ В 2014 г. МАШ и другие подобные структуры в Европе были квалифицированы в ОАЭ как причастные к «Братьям-мусульманам».

на подчинение всех сторон жизни в новом обществе религиозным — исламским — канонам (Sveriges muslimska förbund), что, естественно, противоречит шведским нормам. Краткое знакомство с сайтами МАШ и еще одной аналогичной ассоциации — Объединенных исламских общин Швеции (*Förenade Islamiska Föreningar i Sverige*) (*Förenade Islamiska ...*, 2018) — показывает, что главное для них — внутренние и религиозные вопросы, и их интеграционная роль либо преимущественно декларативна, либо не прослеживается вовсе (см. также Веретевская, 2012). Кроме того, немалая часть их усилий тратится на преодоление внутренних раздоров.

Среди национальных диаспор одна из крупных — сомалийская. Недостаточно материалов, чтобы дать оценку степени её взаимодействия с окружающим шведским миром, но некоторые факты из её жизни весьма примечательны. В 2014 г. при содействии ряда международных организаций, связанных с ООН, представители диаспоры и шведские власти приступили к разработке планов возвращения сомалийцев, получивших высшее и специальное образование в Швеции, в Сомали с целью улучшения там функционирования систем управления, правосудия и здравоохранения. Данная инициатива призвана мотивировать шведских сомалийцев к непосредственному участию в преодолении последствий недавних военных конфликтов на родине.

Другая, казалось бы, «мелкая» — история относится к спорту, столь обожаемому шведами. В городе Бурлэнге был запущен интеграционный проект создания команды для игры в хоккей с мячом, составленной из местных сомалийцев. Начинание оказалось успешным, в 2014 г. команда вышла на международную арену (*Den somaliska diasporan ...*, 2018) и стала спортивной гордостью Швеции, как ранее — футболист Златан Ибрагимович, имеющий боснийско-хорватский бэкграунд.

Но все это малые позитивные вкрапления в общей картине интеграционных возможностей диаспор. В целом же их интеграционный потенциал низок.

Еще одним, квантифицируемым индикатором этого потенциала применительно к иммигрантам в целом, но особенно к мусульманскому сегменту, может служить их электоральная активность — участие в коммунальных выборах. По степени последнего можно судить о мере включенности мигрантов в общественно-политическую жизнь, о мере гражданской интеграции. На указанное участие они (в случае неевропейского происхождения) имеют с 1976 г. право по прошествии трех лет после регистрации в Швеции.

Ориентализация, или девестернизация, этноконфессиональной структуры иммиграции находит четкое отражение в динамике участия её представителей в местных выборах. Возрастание доли выходцев из недемократических стран совпадает с очевидным снижением общей электоральной активности на коммунальном уровне иностранцев. За 1976–2014 гг. эта активность упала почти вдвое (примерно с 60 до 35%) (*Valdeltagande ...*). То есть в данном измерении преобладает тенденция деинтеграции, которая будет закрепляться с конца 2010-х годов в связи с подъемом иммиграционной волны в 2015 г. Уже в выборах 2018 г. вправе принять участие 578 тыс. иностранных граждан — на 123 тыс. больше против 2014 г., когда состоялись предыдущие выборы. По-прежнему прогнозируется их низкая явка, которую социолог Мердад Дарвишпур из Университета Мэллардален (*Mälardalens Högskola*) на фоне высокой электоральной активности этнических шведов характеризует как явный признак усиливающегося отчуждения (эксклюзии) в обществе (*Rekordmånga utländska ...*, 2018).

Таким образом, в электорально-политическом выражении интегрированность шведского общества будет ослабевать, тем более что одновременно непосредствен-

ное представительство «новых шведов» и их интересов в муниципальных органах власти будет относительно убывать, несмотря на то что в сравнении с другими странами оно всячески поощряется сверху.

Последнее можно сказать и о роли/месте шведских граждан с *инокультурным* бэкграундом в политической жизни страны, в исполнительной и законодательной власти. Они есть и в риксдаге, и в правительстве. Но этот элемент интеграции при всей его эффектности есть не что иное, как своего рода этническое квотирование, позитивная дискриминация. Он (элемент) важен, но все же отнюдь не порожден *глубинными* процессами интеграции, на пути которой немало преград. И одна из них (быть может, главная) — подрыв сложившегося правопорядка, связанный с *инокультурной* миграцией.

3. Иммиграция и внутренняя безопасность

«Насильственные беспорядки в Швеции — от исключения к нормальности», — таково красноречивое, тезисное название исследования шведских авторов Т. Нильссона и А. И. Вестерберга (Nilsson, Westerberg, 2011), характеризующее криминальную ситуацию в стране. Роль *инокультурного* фактора в этом печальном сдвиге несомненна, она — ведущая и, наверняка, была бы доказуема соответствующей статистикой, если бы последняя наличествовала. С 2005 г. прекращена регистрация этнической принадлежности правонарушителей по мотивам политкорректности и противодействия расизму и ксенофобии; власти и лица, с ними связанные, отрицают целесообразность её возобновления⁵. Но и без этого достаточно событий/фактов и свидетельств, подтверждающих то, что указанный сдвиг вызван увеличением миграции из отдаленных стран (по крайней, мере тесно с ним связан).

Один из важных, если не важнейший, атрибут иммиграции, в основном *инокультурной*, — отличие правосознания её представителей (а это главным образом мусульмане) от такового у граждан принимающей страны. Отличие норм общественного поведения, базирующихся на римском праве, кодексе Наполеона и Декларации прав человека и гражданина, от норм, диктуемых шариатским правосознанием. Или — в несколько ином «измерении» — отличие христианской цивилизации/морали от исламской. Конечно, это самая общая детерминация указанной трудносовместимости и многое в её проявлении специфично, но её базовость не подлежит сомнению. Столь же бесспорна иммигрантская причинность нарастания криминальности в шведском обществе, хотя политическая элита старается всячески приглушить эту тему, стараясь быть максимально политически корректной и толерантной.

Примечательна в данном контексте линия аргументации профессора этнологии Линчёпингского университета (*Linköpings universitet*) Стефана Юнссона. По его логике, вряд ли есть какая-то связь между иммиграцией и криминальностью. Он утверждает, что этничность не имеет отношения к пониманию причин преступления (*Sprickan om ...*, 2017). В принципе это верно для монокультурного общества, правосознание членов которого одинаково независимо от их этнобэкграунда. В разнотрултурном обществе и тем более в обществе трудносовместимых культур (а светскость и свобода/демократия несоединимы с шариатом) этническое, кон-

⁵ Для сравнения. Статистическое бюро Дании ежегодно публикует информацию о преступности (и многом другом, что связано с мигрантами и детьми мигрантов) в докладе «Мигранты в Дании» (Андерссон, 2017).

фессиональное и культурное (поведенческое) начала обычно сливаются, и, следовательно, этничность становится маркером культуры (поведения). Тем более в инокультурном (на сей раз для иммигранта-мусульманина) окружении, которое он может (как минимум) воспринимать как чужое, в отношении представителей которого допустимы поступки/действия, не позволительные по отношению к «своим». Ибо высший судья, авторитет для него (помимо Аллаха/шариата) отнюдь не законы и нормы «гяуров», а мнения единоверцев.

Что же касается статистически прослеживаемой корреляции этничности и криминальности, профессор С. Юнссон заявляет: статистка не только измеряет действительность, но и создает ее (Sprickan om ..., 2017). То есть в данном случае он, несмотря на «математические» доказательства, отрицает в конечном счете влияние цивилизационного (культурно-генетического) кода человека на его поведение, ведущую роль культуры в детерминации последнего.

Отмена регистрации этнической принадлежности правонарушителей не могла не осложнить борьбу с этнопреступностью. И все же на правительственном сайте вынуждены констатировать, что доля подозреваемых в криминальных действиях среди лиц с иностранными корнями в 2,5 раз выше, чем среди этнических шведов. В 2016 г. зафиксировано, согласно данным Совета по предотвращению преступлений (*Brottsförebyggande rådet*), входящего в структуру министерства юстиции, преступлений против личности на 7% больше, чем годом ранее; из них изнасилований — на 13 и сексуальных домогательств — на 20% (*Anmälda brott 2016 ...*).

Это, может быть, новость для остального мира, но гангстерские войны стали атрибутом Швеции, пишет её уроженец журналист Туве Ливендаль. В Стокгольме можно видеть молоденьких карманников и других воришек, играющих в кошки-мышки с полицией, которая чувствует себя бессильной. Складывается параллельное общество, где государственной монополии на соблюдение законности и порядка бросается вызов, полагает Ливендаль (*Lifvendahl, 2016*).

Не избавлена Швеция и от джихадистской угрозы. За последние годы из нее уехали воевать за ислам 300 человек, из них 150 вернулись. Как заявил глава шведской службы безопасности (SÄPO) А. Торнберг, с 2010 по начало 2017 г. радикальных исламистов стало в десять раз больше (200–2000). По его оценке, эти люди — приверженцы идеи глобального халифата, они не обязательно террористы, но могут, к примеру, помогать в организации и финансировании нападений (*Szwecja ..., 2017*).

Интеграция инокультурной мигрантской молодежи как первого, так и второго поколений представляется главной проблемой шведской политики инклюзии. При всем разнообразии издержек/негативов массового приема просителей убежища (финансовые, материальные и т.п.) все более тревожащей, даже пугающей для шведского общества становится угроза безопасности, исходящая от криминалитета, импортированного и/или формирующегося под его влиянием. Он концентрируется в так называемых незащищенных районах (швед. — *utsatta områden*), или недоступных зонах (англ. — *no-go zones/areas*), имеющих низкий социально-экономический статус, и появление в них чревато риском хулиганского нападения и/или ограбления. В том или ином виде и масштабе зоны преступности и социальной эксклюзии присущи любому обществу, но они становятся крайне опасными, будучи маркированы цивилизационно-этнически. Шведские служебные инстанции (чересчур) политкорректно избегают связывать наличие зон с иммиграцией, и бесполезно искать в официальных публикациях прямые указания на инокультурность этих зон. Хотя на исторически малокриминальном шведском

фоне они воспринимаются особенно остро. Поэтому сам термин, подразумевающий отсутствие или ущербность контроля властей и их неспособность законоприменения, имеет шведское происхождение (2014 г.) и приписывается журналисту газеты *Svenska Dagbladet* Перу Гудмундсону. (Французская *Zone urbaine sensible*, именуемая даже как *Islamic no-go zone*, наиболее созвучна и, наверное, близка шведскому аналогу.)

По уточненным данным шведской полиции, в стране насчитывается 61 упомянутая зона и в них орудуют 5 тыс. преступников и 200 преступных сетей. К особо незащищенным отнесены 23 зоны. В них влияние криминальных структур столь очевидно, что люди отказываются обращаться в суд, а полиция сталкивается с немалыми трудностями при исполнении своих обязанностей, отмечает один из шведских авторов (DN Debatt, 2017). Объектами нападения часто становятся персонал и транспорт служб спасения (скорая помощь, пожарные), которых местные подростки забрасывают камнями. Неотъемлемым слагаемым образа жизни криминального мира зон являются наркобизнес и торговля оружием. Незаконное применение его стрелковых видов в последние годы выросло многократно, но чаще всего оно используется при внутренних разборках обитателей зон. Стало более широким и существенно участилось использование ручных гранат. Если до 2013 г. взрывы гранат в населенных пунктах были редчайшим явлением, то в последующем и, особенно с 2015 г., фиксируется два-три десятка в год. По заключению шведской полиции, применение ручных гранат в Швеции преступными элементами является беспрецедентным для всех сопоставимых европейских и неевропейских стран, пребывающих в состоянии мира. Сравнение возможно лишь с такими странами, как Мексика с её нарковойной (List of grenade ..., 2018). Конечно, шведский уровень преступности гораздо ниже американского, о чем не забывают писать некоторые издания, но принципиально важно для последних лет другое — ежегодное количество убийств в преступном мире страны увеличилось в 2010–2014 гг. в 3,5 раз по сравнению с 1990–1994 гг., а в 2015 г. — примерно в 7 раз (Six claims ..., 2017). Наиболее яркие примеры/свидетельства разгула уличной преступности — беспорядки/погромы, учиненные молодежью с иностранным бэкграундом в пригородах Стокгольма, его незащищенных районах Ринкебю (2010, 2013, 2017 гг.) и Хусбю (2013 г.). Вполне объяснимы социально-экономические корни её недовольства (безработица, бедность, социальная эксклюзия), но формы её протеста (каковы ни были бы его поводы), его последствия никак не могут быть оправданы. Десятки, сотни сожженных автомобилей, разрушенные и разграбленные магазины, вынужденная эвакуация жителей, нападения на полицейских (булжик — орудие «ино-люмпен-пролетариата»), вандализм и прочее — всё это неперенные атрибуты антиобщественных выступлений подростков из так называемых недоступных зон. До 2017 г. Швеция не знала террористических актов, влекших за собой гибель людей, но 7 апреля преднамеренный наезд выходца из Центральной Азии на жителей Стокгольма унес жизни пяти человек.

В этих условиях неизбежно нарастает недовольство полицией со стороны законопослушных «старых» и «новых» шведов. В то же время её действия, как уже отмечалось, скованы боязнью быть обвиненной в расизме и ксенофобии. Сформировалась некая «культура секретности», лакирующая этноситуацию: опасаясь подобных обвинений, полиция предпочитает замять судебное дело, если его фигурантом выступает выходец из афро-азиатского мира. И это становится особенно понятно, если взять оценку действий молодых хулиганов, данную в официальном

духе шведским профессором криминологии Ержи Сарнецки. Он расценивает их как нелегальное выражение легитимного недовольства безработицей, нерешенностью проблемы образования и полицией (Upploppen I Stockholm 2013). То есть все дело в социально-экономических факторах и культурный геном/код тут ни при чем⁶.

Констатируя нарастание негативных тенденций в сфере безопасности и трудностей в деятельности полиции в 2017 г., её руководитель взывает о помощи: «Развитие идет в неверном направлении... Усилий полиции и судебных органов преодолеть негативную тенденцию недостаточно... Все части общества должны взять ответственность за то, чтобы мы смогли повернуть развитие». Он считает также необходимым ужесточение соответствующего законодательства, увеличение персонала и финансирования полиции и усиление её правовой защиты (Rikspolischef ..., 2017). Последнее пожелание может включать и освобождение стражей порядка от чрезмерной политкорректности и боязни быть обвиненными в расизме и/или ксенофобии при работе с мигрантами-правонарушителями.

Таким образом, при всей бесспорной важности решения социально-экономических проблем приема и интеграции выходцев из иноцивилизационных стран и их потомков, родившихся в Швеции, не подлежит сомнению острая злободневность вопроса внутренней безопасности, резко актуализированного наплывом инокультурных беженцев и претендентов на получение этого статуса. В своем нынешнем выражении стратегия политкорректности и толерантности (снисходительности и позволительности), остающейся относительно (соседних государств) низкой требовательности к лицам, не желающим соблюдать законы страны проживания, вряд ли окажется успешной.

Идущий на смену мультикультурализму концепт интеркультурализма, предусматривающий сдвиг от сосуществования культур к их сближению и взаимодействию, предполагает активизацию мер, направленных на приобщение мигрантов к ценностям и нормам шведского общества (см. Гришин, 2017).

4. Иммиграция и деформация партийно-политической системы

Насколько успешна/неуспешна окажется миграционно-интеграционная политика шведского государства и общества в ближайшие годы в немалой степени зависит от отражающего общественные настроения расклада партийно-политических сил в стране, точнее — в парламенте, и от их взаимодействия и/или противоборства. Какой бы ни была традиционная линия партий по тому или иному вопросу, динамика упомянутого расклада вносит в нее определенные коррективы. Если одна партия, делая упор на определенную проблему, набирает очки, это не может не влиять на её конкурентов на политическом поле. Такой партией последние годы являются шведодемократы. Тем более что речь идет о самой злободневной проблеме, ставшей таковой после парламентских выборов 2014 г., за которыми последовал мигрантский кризис. Такую оценку подтверждает шведский политолог Юхан Мартинссон, заявивший за несколько месяцев до новых (2018 г.) выборов, что его соотечественники *впервые* идут к ним с повесткой дня, во главе которой — иммигранты и их интеграция (DN Debatt, 2017).

Влияние прежде незаметной партии ШД резко поднялось ввиду объективно возникшей в XX в. волне актуализации данной темы. Однако другие партии не

⁶ Как не вспомнить здесь тот факт, что главари основных исламских террористических организаций мира – в основном выходцы из отнюдь не бедных семей.

приняли вызова и возвели в принцип отказ от диалога/полемики с новой, популистской силой. На парламентских выборах 1998 г. за ШД отдали голоса всего лишь 0,37% избирателей, четыре года спустя — менее 1,5%. Показатель 2006 г. — 2,6% — тоже не внушал тревогу системным партиям, поскольку ШД были все еще далеки от прохождения в риксдаг, для чего требовалось 4%. Выборы 2010 г. стали вдвойне сенсационными. Партия получила 5,7% голосов и 20 (из 349) мест. Мало того, появление даже небольшой фракции ШД принципиально изменило расстановку сил в парламенте — ни один из традиционных партийных блоков (левый и правый центры⁷) не набрал абсолютного большинства. То есть исход вотирований оказался зависим от ШД. Эта зависимость усилилась и стала значимой практически после выборов 2014 г., принесших шведодемократам 12,9% голосов и 49 мандатов⁸.

Такой результат однозначно сигнализировал о неудовлетворенности значительной части общества проводившейся иммигрантской политикой. (Логично предположить еще больший успех ШД, если выборы проводились бы позже — в разгар беженского кризиса.) Одновременно расстановка сил в риксдаге после выборов 2010 г. привела к парадоксальной ситуации: предложения правящего левого центра (159 депутатов)⁹ отвергались, если ШД голосовали против вместе с правым центром (суммарно 190 депутатов). Но правый центр не желал *даже вынужденного* взаимодействия с ШД. Впрочем, как и левоцентристские партии¹⁰. Новые, досрочные выборы, вероятнее всего, усугубили бы положение. «Старым» партиям пришлось пойти на заключение Декабрьского соглашения, по которому инициативы кабинета меньшинства не будут блокироваться, чтобы исключить воздействие ШД на итоги голосований (Гришин, 2015). Некогда функционально отлаженные и предсказуемые в своей динамике, партийно-политическая и зависимая от нее парламентская системы с приходом в риксдаг ШД претерпели существенную реконфигурацию¹¹ и подверглись разбалансированию. Устойчивый до того порядок формирования правительства и вотирования законопроектов оказался дестабилизирован. Политический вес ведущих партий блоков заметно снизился. Некоторые из поддерживающих их партий, согласно опросам, проводившимся до выборов 2018 г., балансировали на грани непопадания в риксдаг. Десятилетиями не знавшая правительственных кризисов и досрочных парламентских выборов, Швеция в 2014 г. едва избежала их после того, как риксдаг принял бюджет, предложенный не кабинетом министров, а оппозицией (Гришин, 2015). И первопричина всех этих пертурбаций в конечном счете — не что иное, как иммиграционно-интеграционная проблема. Её выдвижение на передний план повлекло за собой беспрецедентное перестроение и дисфункцию партийно-политической системы страны, принесло новые вызовы. Сфокусировав

⁷ Возглавляемые соответственно СДРПШ и Умеренной партией (модератами).

⁸ «Удвоение или утроение» рядов сторонников ШД на выборах 2014 г. в случае продолжения их бойкота спрогнозировал после выборов 2010 г. известный шведский писатель Хеннинг Манкель (Henning Mankell, 2010).

⁹ Правительство может быть утверждено риксдагом, если против него не проголосуют большинство депутатов (так называемый негативный парламентаризм).

¹⁰ Примечательно, что в соседних странах с родственной политической культурой (Дания, Норвегия и Финляндия) партии — аналоги ШД не только приняты в семью «старых» партий, но и участвуют (прямо или косвенно) в формировании правительства. В Швеции «старые» парламентские партии отказываются от сотрудничества с ШД как партией, имеющей нацистские и расистские корни.

¹¹ ШД объявляют себя единственной парламентской оппозицией ввиду того, что левый и правый центры «дружат против» их партии.

на себе главное внимание электората, иммиграционно-интеграционный вопрос превратился в наиболее важный демаркатор межпартийного размежевания.

Парламентские выборы в сентябре 2018 г. усугубили создавшееся положение. ШД вновь значительно расширили свой электорат, набрав 17,5% голосов¹² (+4,6 п.п.) и получив 62 депутатских места (+13). В то же время возглавляющие лево- и право-центристский блоки социал-демократы и модераты понесли значительные потери, а сами блоки, уменьшившись до 144 и 143 мандатов соответственно, в еще большей степени оказались зависимы от поведения ШД. В связи с этим, а также из-за фактического аннулирования Декабрьского соглашения проблема формирования правительства и бюджета обострилась ещё более.

Не так давно вполне предсказуемый и отработанный, послевыборный процесс преемства власти из-за усложнения расстановки сил в риксдаге, неопределенности поведения фракции ШД оказался вне прецедентно-нормативных рамок. Лидеры партий и эксперты признали, что упомянутый процесс, вероятнее всего, будет затяжным.

Конечно, культура диалога и компромиссов в Швеции очень высока, но образовавшиеся в риксдаге глубокий межпартийный разрыв и тупиковая ситуация с созданием правительства беспрецедентны. Поднятая за несколько лет на политический олимп небывало быстрой переменой партийных симпатий, вызванных высокой волной инокультурной иммиграции, партия ШД деформировала устоявшиеся системы партийно-политических отношений, а также формирования и функционирования исполнительной власти. Словом, всплеск инокультурной иммиграции, опосредованный стремительным усилением противящейся ей партии, существенно сказался и на деятельности высших управленческих структур, серьезно усложнив поддержание континуума последней.

Библиографический список

- Андерссон, М. (2017). Статистика, которую не хочет знать Швеция. *ИноСМИ.RU*. Режим доступа <https://inosmi.ru/politic/20170128/238620139.html>
- Веретевская, А. (2013). Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса. *Перспективы*. Режим доступа http://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm
- Визит Аббаса в Стокгольм (2015). *Om Radio Sweden Russian*. Режим доступа <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6089711>
- Гришин, И. (2015). Шведский парламентский тупик: выход найден? *Мировая экономика и международные отношения*, 5, 65–70.
- Гришин, И. (2017). Иммиграционные заботы Швеции. *Мировая экономика и международные отношения*, 61, (9), 66–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76
- Новую волну иммигрантов Швеция тоже выдержит (2014). *Sveriges Radio*. Режим доступа <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202>
- Плевако, Н., Чернышева, О. (2012). *Можно ли стать шведом? Политика адаптации и интеграции иммигрантов в Швеции после Второй мировой войны*. КРАСАНД.
- Andel behöriga till gymnasium i befolkningen ... Retrieved from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c9/Andel_av_befolkning_beh%C3%B6riga_till_gymnasium_efter_f%C3%B6delseregion_1997-2015.png

¹² Хотя это явно меньше, чем можно было бы ожидать исходя из показателей ряда опросов (до 28%), предшествовавших выборам (Opinion polling ..., 2018).

- Anmälda brott 2016 — preliminar statistik (2017). Retrieved from <http://www.bra.se/bra/nytt-fran-bra/arkiv/nyheter/2017-01-12-anmalda-brott-2016---preliminar-statistik.html>
- Den somaliska diasporan i Sverige (2018). Retrieved from <http://diasporas.se/den-somaliska-diasporan-i-sverige/>
- DN Debatt. "5 000 kriminella och 200 nätverk i utsatta områden" (2017). Retrieved from <https://www.dn.se/debatt/5-000-kriminella-och-200-natverk-i-utsatta-omraden/>
- Ett program för förändring (2013). Retrieved from https://www.socialdemokraterna.se/globalassets/var-politik/partiprogram-och-riktlinjer/ett-program-for-forandring_2013.pdf
- Faktablad Justitiedepartementet Februari 2018. Svensk migrations- och asylpolitik. Retrieved from <https://www.regeringen.se/491b2f/contentassets/8e2b2eb4a8a7433fa8d083b27ccdb87a/svensk-migrations-och-asylpolitik>
- Förenade Islamiska Föreningar i Sverige (2018). Retrieved from <https://web.archive.org/web/20170423133122/http://fifs.se/vara-foreningar/>
- Henning Mankell. We Should Have Argued Sweden Democrats to Oblivion (2010). Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/24/sweden-democrats-far-right-election>
- Immigration to Sweden. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Immigration_to_Sweden#cite_note-125
- Inkomna ansökningar om asyl. Retrieved from <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Aktuell-statistik.html>
- Integration och mångfald (2018). Retrieved from <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/integration-och-mangfald/>
- Lifvendahl, T. How Sweden Became an Example of How not to Handle Immigration (2016). Retrieved from <https://www.spectator.co.uk/2016/09/how-sweden-became-an-example-of-how-not-to-handle-immigration/>
- Lillrank, P. Panikkänslan (2017). Retrieved from <https://www.hbl.fi/artikel/panikkanslan/>
- List of grenade attacks in Sweden (2018). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_grenade_attacks_in_Sweden#2018
- Moderaternas partiprogram. Arbete, integration och migration (2013). Retrieved from <http://partiprogram.se/moderaterna#arbete-integration-och-migration>
- Nilsson, T., Westerberg, A.I. (2011). Våldsamma upplopp i Sverige — från avvikelse till normalitet. Karlstad, Danagårds Grafiska AB. Retrieved from <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/26016.pdf>
- Opinion polling for the Swedish general election, 2018. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_Swedish_general_election,_2018
- Partiprogram för Socialdemokraterna beslutat av partikongressen i Västerås den 6 november 2001. Retrieved from <https://snd.gu.se/sv/vivill/party/s/program/2001>
- Pipes, D. Sweden's Populist Surge (2015). Retrieved from <http://www.danielpipes.org/16073/sweden-populist-surge>
- Rekordmånga utländska medborgare får rösta i kommunvalet (2018). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sormland/forskaren-darfor-rostar-sa-fa-utlandska-medborgare>
- Rikspolischef Dan Eliasson om året som gått (2017). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/uppsala/rikspolischef-dan-eliasson-om-aret-som-gatt>
- Six claims and facts about Sweden (2017). Retrieved from <https://www.thelocal.se/20170220/sweden-facts-a-closer-look-at-filmmaker-ami-horowitz-claims>
- Sprickan om invandrare och brottsligheten (25 feb 2017). Retrieved from <https://www.expressen.se/nyheter/sprickan-om-invandrare-och-brottsligheten/>
- Statens budget i siffror (2017). Retrieved from <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/finansdepartementet/statens-budget/statens-budget-i-siffror>

- Stor enkät med partiledarna (2018). Retrieved from <https://www.metro.se/artikel/stor-enk%C3%A4t-med-partiledarna-h%C3%A4r-%C3%A4r-v%C3%A5ra-l%C3%B6ften-till-dig-inf%C3%B6r-valet>
- Sverigedemokraternas partiprogram (2011). Retrieved from <http://partiprogram.se/sverigedemokraterna#sverigedemokraterna-och-invandringen>
- Sveriges muslimska förbund. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Sveriges_muslimska_f%C3%B6rbund
- Szwecja: ekstremiści rosną w siłę, a politycy się boją (2017). Retrieved from <http://euroislam.pl/szwecja-ekstremisci-rosna-w-sile-a-politycy-sie-boja/>
- Upploppen i Stockholm 2013. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Upploppen_i_Stockholm_2013
- Valdeltagande i kommunfullmäktigval 1976–2014 bland utländska medborgare efter kön. Retrieved from <http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valdeltagandeundersokningen/pong/tabell-och-diagram/historisk-statistik/valdeltagande-i-kommunfullmaktigval-19762014-bland-utlandska-medborgare-efter-kon/>
- Wente, M. Sweden's Ugly Immigration Problem (2015). Retrieved from <https://www.theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254/>

Статья поступила в редакцию 25.11.2018

Статья принята к публикации 15.01.2019

Для цитирования: Гришин И. В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект). — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20. № 1. С. 40–56.

INTEGRATION OF IMMIGRANTS IN SWEDEN (SOCIO-POLITICAL ASPECT)

I. V. Grishin

Igor V. Grishin, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya Str., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: i.grishin@inbox.ru. ORCID 0000-0001-5839-1858

Abstract. Having no colonies in the past, mono-ethnic until recently and spaced at a considerable distance from the countries of origin of its migrants with a different cultural background, Sweden faced them only in the most recent decades. The countrywide perception of the distant (Third) world was formed on a speculative basis, without the Swedes' immediate involvement in it. This was the basis for the high potential of solidarity with the people from the Eastern and Southern countries. The potential dates back to the past dominance of social democracy in Sweden, with its ideology of social solidarity across the world. However, there is a great difference between Sweden's general contribution to promoting the development of the former Third world countries and accommodating its masses of migrants. However unquestionably important the economic factor is, the problem of their integration lies in their cultural otherness and their attitude to the rule of law in a secular democratic society and to its values and norms of behavior. Therefore, without taking into account the full range of factors that determine the immigration situation, there is a high risk of a low-critical vision of the real state of things. This work is aimed at analyzing the migration and integration processes in today's Sweden. In the last several years, the ethno-social problems have come to the fore due to their growth proliferation, aggravation and unprecedented actualization, resulting in squeezing out the traditional aspirations of a welfare state (employment, education, healthcare, etc.) off the agenda. Besides, the political landscape in the country and Parliament has undergone critical changes. It's highly likely that the topic under consideration can lend some originality to the text in view of the latest developments.

Keywords: Sweden, immigration, integration, official discourse, solidarity across borders, different cultures, security, crime, party system, Sweden democrats.

DOI: 10.31429/26190567-20-1-40-56

References

- Andel behöriga till gymnasium i befolkningen ... Retrieved from https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/c/c9/Andel_av_befolkning_beh%C3%B6riga_till_gymnasium_efter_f%C3%B6delseregion_1997-2015.png
- Andersson, M. Statistika, kotoruyu ne khochet znat' Shvetsiya [The Statistics Sweden Disregards] (2017). Retrieved from <https://inosmi.ru/politic/20170128/238620139.html>
- Anmälda brott 2016 — preliminär statistik (2017). Retrieved from <http://www.bra.se/bra/nytt-fran-bra/arkiv/nyheter/2017-01-12-anmalda-brott-2016---preliminar-statistik.html>
- Den somaliska diasporan i Sverige (2018). Retrieved from <http://diasporas.se/den-somaliska-diasporan-i-sverige/>
- DN Debatt. "5 000 kriminella och 200 nätverk i utsatta områden" (2017). Retrieved from <https://www.dn.se/debatt/5-000-kriminella-och-200-natverk-i-utsatta-omraden/>
- Ett program för förändring (2013). Retrieved from https://www.socialdemokraterna.se/globalassets/var-politik/partiprogram-och-riktlinjer/ett-program-for-forandring_2013.pdf
- Faktablad Justitiedepartementet Februari 2018. Svensk migrations- och asylopolitik. Retrieved from <https://www.regeringen.se/491b2f/contentassets/8e2b2eb4a8a7433fa8d083b27ccdb87a/svensk-migrations-och-asylopolitik>
- Förenade Islamiska Föreningar i Sverige (2018). Retrieved from <https://web.archive.org/web/20170423133122/http://fifs.se/vara-foreningar/>
- Grishin, I. (2015). Shvedskii parlamentskii tupik: vykhod naiden? [Sweden's Parliamentary Deadlock: a Solution is Found?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 5, 65–70.
- Grishin, I. (2017). Immigratsionnye zaboty Shvetsii [Sweden's Immigration Concerns]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 61, (9), 66–76. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-66-76
- Henning Mankell. We should have Argued Sweden Democrats to Oblivion (2010). Retrieved from <https://www.theguardian.com/commentisfree/2010/sep/24/sweden-democrats-far-right-election>
- Immigration to Sweden. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Immigration_to_Sweden#cite_note-125
- Inkomna ansökningar om asyl. Retrieved from <https://www.migrationsverket.se/Om-Migrationsverket/Statistik/Aktuell-statistik.html>
- Integration och mångfald (2018). Retrieved from <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/integration-och-mangfald/>
- Kipling. Raznye perevody odnogo stikhotvoreniia [Different Translations of One Poem] (2006). Retrieved from <https://klock.livejournal.com/122502.html>
- Lifvendahl, T. How Sweden Became an Example of How not to Handle Immigration (2016). Retrieved from <https://www.spectator.co.uk/2016/09/how-sweden-became-an-example-of-how-not-to-handle-immigration/>
- Lillrank, P. Panikkänslan (2017). Retrieved from <https://www.hbl.fi/artikel/panikkanslan/>
- List of grenade attacks in Sweden (2018). Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_grenade_attacks_in_Sweden#2018
- Moderaternas partiprogram. Arbete, integration och migration (2013). Retrieved from <http://partiprogram.se/moderaterna#arbete-integration-och-migration>
- Nilsson, T., Westerberg, A.I. (2011). Våldsamma upplopp i Sverige — från avvikelse till normalitet. Karlstad: Danagårds Grafiska AB. Retrieved from <https://www.msb.se/RibData/Filer/pdf/26016.pdf>
- Novuyu volnu immigrantov Shvetsiya tozhe vyderzhit [Sweden Will Withstand a New Wave of Immigrants] (2014). Retrieved from <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=5945202>

- Opinion polling for the Swedish General Election, 2018. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Opinion_polling_for_the_Swedish_general_election,_2018
- Partiprogram för Socialdemokraterna beslutat av partikongressen i Västerås den 6 november 2001. Retrieved from <https://snd.gu.se/sv/vivill/party/s/program/2001>
- Pipes, D. Sweden's Populist Surge (2015). Retrieved from <http://www.danielpipes.org/16073/sweden-populist-surge>
- Plevako, N., Chernysheva, O. (2012). *Mozhno li stat' shvedom? Politika adaptatsii i integratsii im-migrantov v Shvetsii posle Vtoroi mirovoi voiny* [Can you Become a Sweden? Policy of Adaptation and Integration of Immigrants in Sweden After World War II]. Moskva: KRASAND.
- Rekordmånga utländska medborgare får rösta i kommunvalet (2018). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sormland/forskaren-darfor-rostar-sa-fa-utlandska-medborgare>
- Rikspolischef Dan Eliasson om året som gått (2017). Retrieved from <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/uppsala/rikspolischef-dan-eliasson-om-aret-som-gatt>
- Six Claims and Facts about Sweden (2017). Retrieved from <https://www.thelocal.se/20170220/sweden-facts-a-closer-look-at-filmmaker-ami-horowitz-claims>
- Sprickan om invandrare och brottsligheten (25 feb 2017). Retrieved from <https://www.expressen.se/nyheter/sprickan-om-invandrare-och-brottsligheten/>
- Statens budget i siffror (2017). Retrieved from <https://www.regeringen.se/sveriges-regering/finansdepartementet/statens-budget/statens-budget-i-siffror>
- Stor enkät med partiledarna (2018). Retrieved from <https://www.metro.se/artikel/stor-enk%C3%A4t-med-partiledarna-h%C3%A4r-%C3%A4r-v%C3%A5ra-l%C3%B6ften-till-dig-inf%C3%B6r-valet>
- Sverigedemokraternas partiprogram (2011). Retrieved from <http://partiprogram.se/sverigedemokraterna#sverigedemokraterna-och-invandringen>
- Sveriges muslimska förbund. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Sveriges_muslimska_f%C3%B6rbund
- Szwecja: ekstremiści rosną w siłę, a politycy się boją (2017). Retrieved from <http://euroislam.pl/szwecja-ekstremisci-rosna-w-sile-a-politycy-sie-boja/>
- Upploppen i Stockholm 2013. Retrieved from https://sv.wikipedia.org/wiki/Upploppen_i_Stockholm_2013
- Valdeltagande i kommunfullmäktigval 1976–2014 bland utländska medborgare efter kön. Retrieved from <http://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valdeltagandeundersokningen/pong/tabell-och-diagram/historisk-statistik/valdeltagande-i-kommunfullmaktigval-19762014-bland-utlandska-medborgare-efter-kon/>
- Veretevskaia, A. Musul'mane v Shvetsii: obostrenie integratsionnogo krizisa [The Muslims in Sweden: Aggravation of the Integration Crisis] (2013). Retrieved from http://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm
- Visit Abbasa v Stokgol'm [Abbas' visit to Stockholm] (2015). Retrieved from <http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2103&artikel=6089711>
- Wente, M. Sweden's Ugly Immigration Problem (2015). Retrieved from <https://www.theglobeand-mail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254/>

Received 25.11.2018

Accepted 15.01.2019

For citation: Grishin I.V. Integration of Immigrants in Sweden (Socio-Political Aspect). — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2019. Vol. 20. No. 1. Pp. 40-56.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).